

МЕТАФОРА

Авторы: Н. Д. Арутюнова; К. Ч. (метафора в литературе)

МЕТАФОРА (греч. μεταφορά – перенос), троп, состоящий в употреблении слова, которое обозначает некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков, для обозначения другого, сходного с данным, класса объектов или индивида.

В расширительном смысле термин «М.» относят также к др. видам употребления слов в переносном значении. См. в ст. [Тропы и фигуры речи](#).

М. – один из осн. приёмов познания и наименования объектов действительности, создания худож. образов и порождения новых значений. В создании и соответственно анализе М. участвуют 4 компонента: две категории объектов и свойства каждой из них. Это создаёт семантич. двойственность метафоры. М. отбирает свойства одного класса объектов и прилагает их к др. классу или одному из его членов – основному (актуальному) субъекту М.; ср. «Собакевич – настоящий медведь». Когда Собакевича называют медведем, имя «медведь» относят одновременно и к классу животных, и к конкретному человеку, а из числа признаков, ассоциируемых с медведем, отбирают те, которые приложимы к индивиду (крепость, грубая сила, косолапость и т. д.). Тем самым одновременно познаётся сущность человека, создаётся его образ и порождается новое значение у слова «медведь» – ‘неуклюжий человек, увалень’. М. часто лежит в основе прозвищ, а затем и фамилий («Клещ», «Сова» и т. п.). Характеристика категории объектов, обозначаемой метафорой, национально специфична. Напр., в рус. яз. слово «осёл» в метафорич. смысле означает ‘(упрямый) дурак’, а в испанском el burro (букв. – осёл) употребляют по отношению к трудолюбивому человеку.

М. возникает при сопоставлении объектов, принадлежащих разным классам. Она отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он входит, и включает его в категорию, к которой он не может быть отнесён на рациональном основании.

Так, суть поэтич. М. часто видят в сближении очень далёких классов объектов; напр., «Русь – поцелуй на морозе» (В. Хлебников).

Существует ряд концепций М. Наиболее распространено восходящее к Аристотелю понимание М. как сокращённого сравнения, из которого исключены предикаты подобия «похож», «напоминает» и т. п., компаративные союзы «как», «как будто», «словно», «ровно» и др. Вместе с ними устраняются основания сравнения, его мотивировка, обстоятельства времени и места и др. модификаторы. М. лаконична, она сокращает речь, сравнение же её распространяет. Формальным изменениям соответствуют изменения в значении. Сравнение выявляет любое – постоянное или преходящее – сходство или его отсутствие («Вчера в лесу он вёл себя, как заяц»), М. – устойчивое, глубинное подобие («Он – заяц», но нельзя сказать «Вчера в лесу он был заяц»). Обозначая сущность предмета, М. несовместима с субъективными установками: невозможно сказать, напр., «Мне кажется, он заяц». Сравнивая объекты, М. их противопоставляет; одновременно сокращается не только сравнение, но и противопоставление, т. к. из него исключается содержащий отрицание термин: «Ваня <не ребёнок, а> сущий выюн». Сокращённый термин может быть восстановлен, если это важно, напр., для фокусирования внимания на контрасте: «Не смушка – огонь» (Н. В. Гоголь).

М. выполняет 2 осн. функции – характеризующую и функцию номинации. Исходной является функция характеристики, связывающая М. с позицией предиката («Любовь – пьянящее вино», «Совість – когтистый зверь»); М. реализует эту функцию также в позиции приложения («глаза-небеса», «случай – Бог-изобретатель»). М. в номинативной функции обычно занимает в предложении место субъекта или др. актанта. Утверждаясь в этой функции, М. утрачивает образность («орлышко бутылки», «анютины глазки»).

Ориентация на характеризующую функцию отличает М. от метонимии (синекдохи), предназначенной прежде всего для выделения предмета речи.

М. как определённый вид тропов изучается в поэтике (стилистике, риторике, эстетике), как источник новых значений слов – в лексикологии, как особый вид речевого употребления – в прагматике, как ассоциативный механизм и объект

интерпретации и восприятия речи – в психолингвистике и психологии, как способ мышления и познания действительности – в логике, философии (гносеологии) и когнитивной психологии.

Наиболее полно М. изучена в лексикологии. Оба осн. типа однозначных слов – имена предметов и обозначения признаков – способны к метафоризации значения. Чем более многопризнаковым, информативно богатым и нерасчленённым является значение слова, тем легче оно получает метафорич. смыслы. Метафоризируются прежде всего конкретные существительные – имена естеств. родов, реалий и их частей, среди признаков слов – прилагательные, обозначающие физич. качества («колючий взгляд»), глаголы, выражающие механич. действия («совесть грызёт», «мысли текут»).

Метафоризация значения может либо проходить в пределах одного семантич. типа слов, либо сопровождаться семантич. сдвигом – переходом из одного типа в другой. Метафора, не выходящая за рамки конкретно-предметной лексики, используется для целей номинации, как приём образования имён предметов. Перенос может основываться на сходстве любого признака: формы [«журавль» (птица) и «журавль колодца» (шест для поднятия воды из колодца)], цвета [«белок» (яйца) и «белок глаза»] и пр. М. такого типа (т. н. номинативная) часто порождает ОМОНИМИЮ.

Метафоризация значения признаков слов заключается в выделении в объекте признаков, уподобляемых признакам, присущим др. классу предметов; напр., «резкий звук» и «резкий человек», «ветренная погода» и «ветренный человек» (физич. признак предмета, признаки природы переносятся на человека и способствуют выделению и обозначению свойств личности); ср. также «острый нож» и «острая обида», «острая боль», «острый конфликт» и др. М. этого типа (т. н. признаковая) служит источником ПОЛИСЕМИИ слова. Она является орудием выделения, познания свойств материальных тел и абстрактных категорий, и её можно назвать когнитивной.

Метафоризация значения может сопровождаться семантич. сдвигом, заключающимся в переходе существительного из категории предметных слов в категорию признаков слов (ср. «волк» 'хищный', «чурбан» 'тупой, бесчувственный'). Цель М. данного типа (т. н. образной) – индивидуализация объекта. Обозначая свойства, уже

имеющие в языке названия, она, с одной стороны, служит источником СИНОНИМИИ (ср. «пугливый» и «заяц»), с другой – обогащает слова фигуральными значениями.

Во всех случаях рано или поздно М. исчезает: её значение выравнивается по законам стандартной семантики. Сущность М. (её семантич. двуплановость) не отвечает первичным коммуникативным назначениям осн. компонентов предложения – его субъекта и предиката. Для указания на предмет речи М. слишком субъективна; для предиката – неоднозначна. С этим связаны стилистич. ограничения на употребление М. Напр., они не используются в законах, распоряжениях, инструкциях, правилах, завещаниях, в актах судопроизводства и т. п. – во всём, что должно выполняться и контролироваться; в вопросах, рассчитанных на получение точной информации. Употребительна М. в формах практич. речи, в которых присутствуют экспрессивно-эмоциональный и эстетич. аспекты. Она удерживается во фразеологизмах, прозвищах, крылатых фразах, присказках. Хотя семантич. диффузность М. не отвечает осн. требованиям науч. дискурса, она играет большую роль в формировании концепций и науч. терминологии. Так, представление о социуме как о здании позволяет выделить в нём базис, инфраструктуру и др., а также говорить об обществе в терминах строительства, перестроек и разрушения; ср. также «прорубить окно в Европу». В лингвистике компаративисты предложили, напр., М. «семья языков», «языковое родство».

М. распространена во всех жанрах речи, предназначенных для воздействия на эмоции и воображение адресата: ораторском, публицистическом и др. М. характерна для политич. дискурса, в котором она основывается на аналогиях: с войной и борьбой («дипломатические баталии», «команда президента»), игрой («разыграть политическую карту»), механизмом («рычаги власти»), организмом («болезнь роста»), растением («ростки демократии») и т. д.

Естественное для себя место М. находит в поэтической (в широком смысле) речи, в которой она служит эстетической (а не собственно информативной) цели. Значимость М. на разных этапах развития лит-ры менялась; так, ср.-век. лит. универсум насквозь метафоричен, для него характерны М.-символы (обширная система М. в «Романе о Розе») и своеобразные нац. варианты М. (кеннинг в др.-герм. поэзии). Существенную

роль М. сыграла в поэзии и прозе барокко; теоретики этого стиля уделяют М. центр. место (Э. Тезауро). В поэзии романтизма и символизма М. чаще всего связаны с уподоблением природных феноменов явлениям душевной жизни: «я сердце вьюгой закрутил» (А. А. Блок); нередко используются развёрнутые М. Стремление к неожиданным, эпатажирующим М. свойственно поэзии авангардизма [солнце – «сумасшедший маляр» (В. В. Маяковский)]. В лит-ре кон. 19 – нач. 20 вв. (особенно в лит-ре абсурда) нередко имеют место процесс т. н. реализации М. (использование М. при намеренном игнорировании её фигурального характера, напр. «разорваться на части» в стих. Маяковского «Прозаседавшиеся») и оживление стёртой М.: «Он хочет убить Время! Рубите ему голову!» (Л. Кэрролл). Разновидность М. – катахреза.

Литература

Лит.: Konrad H. Étude sur la métaphore. P., 1958; Black M. Models and metaphors. Ithaca, 1962; Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: избранные труды. М., 1976; Потебня А. А. Из записок по теории словесности // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976; Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977; Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979; Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979; Метафора в языке и тексте. М., 1988; Теория метафоры. М., 1990; Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991; Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993; Metaphor and thought. Camb., 1993; Гудков Л. Д. Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. М., 1994; Очерки истории языка русской поэзии XX в. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М., 1995; Ricoeur P. Métaphore vive. P., 1997; Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998; Фрейденберг О. М. Образ и понятие. II. Метафора // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд. М., 1998; Charbonnel N., Cleiber G. La métaphore entre philosophie et rhétorique. P., 1999; Parola e immagine. Firenze, 1999; Stern J. Metaphor in context. Camb., 2000; Павлович Н. В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. 2-е изд. М., 2004; Schulz P. Description critique du concept traditionnel de «métaphore». Bern e. a., 2004; Botet S. Petit traité de la métaphore. Strasbourg, 2008; Métaphore et perception. P., 2008; Kövecses Z. Metaphor: a practical introduction. 2nd ed. N. Y.; Oxf.,

2010; Shibles W. A. Metaphor: an annotated bibliography and history. Whitewater, 1971.